

Нэт Бояр

Тьма
и
Пепел

Смертный грех

Нэт Бояр

Смертный грех. Тьма и Пепел

<https://litres.ru/74294319>

Аннотация

Он — пресытившийся вечностью Владыка Ада. Ему наскучило все, но он нашёл... её.

Она — всего лишь смертная душа, но ее дикая ярость и редкий дар заинтересовали самого Люцифера... как материал для величайшего замысла

Теперь Люцифер начинает свою самую амбициозную игру. Он станет ее наставником, откроет бездну силы и сделает ее сильнее любого князя тьмы. Взамен она станет его величайшим творением — живым оружием с безграничной мощью и свободной волей.

Это история о самой опасной сделке. Она верит, что борется за свободу. Он знает, что каждое ее «победоносное» восстание тщательно спланировано и ведет к окончательному, величественному порабощению. Он растит из нее идеальную Императрицу. Свой шедевр.

Но что, если в безупречный план Падшего закрадется ошибка? Что, если оружие обретет свою собственную цель? И их игра в кошки-мышки превратится в войну, где ставкой будет уже не трон, а их бессмертные души?

Первая часть тут

Содержание

Глава 1. Нити Жизни	4
Глава 2. Скитание во Тьме	25
Глава 3. Тёмный ангел Меррит	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Нити Жизни

Город Б. Городской парк в микрорайоне Горьковский.

Наступал вечер, городской парк постепенно пустел. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в нежные прощальные оттенки розового и золотого. Листья на деревьях тихо шептались друг с другом, а воздух был наполнен свежестью, которая обещала дождь. На одной из лавочек, обрамлённых кованными распускающимися розами, сидели двое.

Он, взрослый мужчина в дорогом, безупречном костюме, который выглядел как воплощение уверенности и спокойствия. Его черные, туфли были начищены до зеркального блеска. Лёгкий аромат свежесваренного кофе, который он держал в руке, наполнял пространство вокруг, создавая атмосферу умиротворения. Напиток был идеальной температуры, горьковатым, как правда, которую никто не хочет слышать. Его пальцы постукивали в такт несуществующей музыке по картону стакана. Будто метроном, отмеряющий время до частного апокалипсиса. Мужчина смотрел на природу, словно искал в ней вдохновение, а его взгляд иногда останавливался на детской площадке, где ещё возились мамы с малышами.

На самом деле он пришёл не за вдохновением, а «на рыбалку». Его удочкой было ледяное притягательное спокой-

ствие, излучаемое его безупречной фигурой. Приманка для заблудших душ.

Она, совсем юная девушка, студентка первого курса университета. Казалось она яркая вспышка в этом спокойном пейзаже. Рваные джинсы и красная клетчатая рубашка на белой футболке создавали образ свободного духа, а чёрная куртка с капюшоном, из-под которого торчали ярко-розовые волосы, придавали ей дерзкий вид. Музыка из её наушников звучала громко, ритмы смешивались с вечерним шёпотом парка, создавая уникальную мелодию жизни, что билась в такт её собственному беспокойному ритму.

Девушка пыталась заглушить мир. Трек в наушниках бил в виски тяжёлыми басами, но не мог перекрыть назойливый голос в голове: *«Он тебя бросил. Сказал, что ты слишком... слишком. Слишком громкая, слишком странная, слишком навязчивая. А та... она нормальная»*. Парк, обычное место отдыха, сегодня казался гигантским, безразличным тоннелем. Она сжалась на лавке, чувствуя, как холод просачивается сквозь тонкую ткань куртки, прямо к коже. Розовые пряди волос, обычно бунтарский знак, теперь казались просто дешёвым маскарадом, попыткой спрятать серость внутри. Её взгляд скользнул по дорожному костюму мужчины на другом конце скамьи. *«Вот так выглядят люди, у которых всё в порядке. У которых всё сложилось. Спокойные... Целые...»*

— Вам нравится? — неожиданно спросила она, глядя на его туфли, которые почти неслышно отстукивали ритм. Во-

прос вырвался сам, отчаянная попытка пробить стену своего одиночества, удостовериться, что она ещё может производить звук в этом мире.

Внутренний метроном не сбился ни на долю. Он, слегка удивлённый, оторвал взгляд от листвы и встретился с её яркими, но потухшими изнутри глазами.

«Поплавок дрогнул. Совсем юная. Боль свежая, ещё не перебродила в цинизм. Идеально».

— А? Вы меня спрашиваете? — его голос был низким, бархатным, обволакивал, словно аромат кофе, который парил из его стакана. Он намеренно замедлил речь, сделал её безопасной, с каким-то отцовским теплом. — Простите, я задумался.

Девушка, не отводя глаза, улыбнулась. Его внимание, такое полное, на секунду облегчило боль. Он смотрел на неё, а не сквозь, как обычно делали другие.

— Вы постукиваете в такт музыке, как будто вам нравится то, что я слушаю, — незнакомка вытащила наушник и передала ему, будто протягивала оливковую ветвь, как доказательство того, что у неё внутри есть что-то, что может понравиться.

Он принял наушник, его движения были неторопливыми, уважительными.

— Да, мотив... цепляет. У моей дочери похожее играет. Приходится привыкать, — тепло улыбнулся незнакомец. В этой улыбке была бездна нормальности, родительской уста-

лости и принятия. Ложь была идеальной, потому что сшита из правды других людей.

— Она знает толк в хорошей музыке, — сказала собеседница и сняла наушники. Внезапная тишина оглушила. Стало слышно, как где-то вдалеке смеются дети. И этот звук стал последней каплей. Её собственная жизнь казалась такой тихой, такой мёртвой.

— Если бы только музыка. Сейчас у неё появился новый парень. Мне он не нравится. Но, вероятно, так и должно быть. Родители редко одобряют наш выбор. Мы слишком хорошо знаем чем это может закончиться.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

«Как интересно: «Чем это может закончиться». Ключевая фраза. Она уже думает о конце Нужно лишь придать форму».

— Чем? — тихо спросила она, подбирая ноги под себя, становясь меньше и уязвимее.

Он сделал медленный глоток кофе, его взгляд стал отстранённым, будто он смотрел не на парк, а на экран с чёрно-белым фильмом из прошлого.

— Однажды моя сестра встретила молодого человека. Яркого, харизматичного. Она отдала ему всё. А он... оказался не очень хорошим. Когда она застала его с лучшей подругой, для неё кончился не просто роман. Рухнула вера в то, что что-то может быть настоящим. Иллюзии больно ранят, когда разбиваются.

Её сердце колотилось. Это был не рассказ незнакомца. Это было зеркало. Та же яркость. Она ведь даже думала, что он такой... яркий. Та же предательница-подруга. Та же рухнувшая вселенная. Её дыхание перехватило.

— И... что она сделала? — выдохнула девушка, уже почти зная ответ, который хотелось услышать, но было страшно.

— Её не стало, — произнёс мужчина с ледяной, почти клинической простотой, как будто врач, что констатировал факт смерти. — Её боль закончилась. А его судьба только начиналась. Он прожил долгую, никчёмную жизнь. Ни семьи, ни счастья. Просто существовал, неся этот груз. Интересный парадокс, не правда ли? Один поступок может уничтожить двоих, но такими разными путями.

Он видел, как его слова входят в её разум.

«Посмотрим. «Боль закончилась», это то, чего она хочет. «Он просто существовал», это то, чего она боится. Страх стать призраком при жизни. Нужно предложить выбор, которого нет».

В его голосе не было осуждения или сочувствия. Только констатация. И в этой отстранённости была своя жуткая убедительность.

— А ваши родители? Им тяжело было? — спросила девушка, чувствуя, как у неё сжимается сердце. Она цеплялась за последнюю соломинку нормальности, за боль других, чтобы забыть свою.

— Жизнь продолжается, — он пожал плечами. Этот жест

был элегантным и ужасающим в своём абсолютном отсутствии сочувствия. — Это был её выбор. Её решение, как поступить со своей болью. Каждый делает свой выбор. Кто-то тащит этот груз годами. А кто-то... находит способ сложить его с плеч. Раз и навсегда.

«Отлично. Слова «раз и навсегда» прозвучали для неё как облегчение, а не как угроза. Как ключ. Да, её душа — груз, тяжёлый, липкий, постыдный. А я говорю, что его можно сложить. Легально. Как решение. Взгляд потух. Внутри что-то щёлкнуло. Прекрасно».

Он посмотрел на закат, и багровый свет на мгновение отразился в его глазах, будто отсвет далёкого пожара.

— Темнеет. Холодает. Нам пора, — он поднялся с лавки, его движения были плавными и безразличными. Миссия выполнена. Наживка проглочена. Теперь остаётся только ждать, пока рыба сделает последний, отчаянный рывок сама.

— Да... — она тоже встала, чувствуя не странную пустоту, а леденящую ясность. Путь вперёд был тёмным туннелем. А он указал на другую дверь. Маленькую, но ведущую наружу. Из это боли. — До свидания.

Он уже сделал несколько шагов, когда она окликнула его: — Извините... а как она узнала? О подруге?

Мужчина остановился не сразу. Он давал её надежде, её последнему вопросу, повиснуть в холодном воздухе.

«Последняя деталь. Самая важная. Надо дать ей не просто идею, а метод. Образ».

Он медленно обернулся. Его лицо было обращено к ней, но взгляд, казалось, видел что-то далёкое, возможно, воображаемую сцену на крыше несуществующего дома.

— Она пришла к нему, когда он сказал, что болен. Застала их вместе. Иногда, чтобы увидеть правду, нужно подняться выше. Посмотреть на всё... с новой высоты.

Он повернулся и пошёл своей дорогой, не оглядываясь. Его силуэт растворился в сгущающихся сумерках, как тень.

Девушка осталась одна. Фонари зажглись один за другим, отбрасывая длинные, искажённые тени, которые тянулись, как дороги к разным концам света. Но её дорога теперь была одна. Слова незнакомца эхом отдавались в сознании: «... сложить груз...», «... посмотреть с новой высоты...»

Она подняла голову. Взгляд, минуту назад туманный от слёз, теперь был сухим и острым. Он скользнул по силуэтам высотных домов на окраине парка, чьи верхние этажи ещё купались в багровом свете умирающего дня. Один из них, самый высокий, с плоской крышей, будто подмигнул ей от светом окна.

Её собственная невыносимая боль, с которой она пришла в парк, вдруг обрела форму и... направление. В его истории был ответ. Жестокий, но окончательный. Он не сказал «спрыгни». Он сказал «посмотри». А что можно увидеть с самой высокой точки, кроме того, что всё, что причиняет боль, мелко и незначительно? Что груз можно оставить там, внизу. Тиканье невидимых часов в её сознании остано-

лось, указав на единственно возможный час.

Она натянула капюшон, засунула руки в карманы и твёрдым шагом отправилась своей дорогой, но не в сторону дома, а в сторону темнеющих высоток.

Их пути разошлись. Но его слова, холодные и отточенные, как лезвие, продолжали свою работу, тихо направляя ход одной юной, отчаявшейся жизни к неотвратимому финалу. В воздухе остался налёт чего-то важного. Казалось, сегодня эта встреча решит чью-то судьбу...

Где-то между мирами.

Мужчина не пошёл по аллее к выходу. Он сделал несколько шагов вглубь парка, в сторону старого, полуразрушенного фонтана, заросшего бурьяном, и... просто перестал быть. Не исчез, пространство вокруг него сжалось, поменяло плотность, и парк остался позади.

Теперь Люцифер стоял в другом месте. На краю. Там, где пепельно-серый туман вечности смешивался с рванными клочьями человеческих снов. Воздух был тихим и густым, лишённым запахов жизни. Здесь не было времени, только бесконечное тягучее «после». На его лице не было ни удовольствия, ни скуки. Была лишь холодная, отточенная до автоматизма эффективность. Он смотрел в туман, будто читал в нём невидимые строки.

«Ну вот и всё. Рыбка клюнула. Наживка из боли, предательства и мнимого выбора сработала безупречно. Как всегда».

Внутренний голос был полон лёгкого, почти научного презрения.

«Они такие предсказуемые. Весь этот шум, любовь, страдания, клятвы. Громоздкий, липкий театр. И финал у них всегда один из двух: влачить это ярмо десятилетиями, отравляя всех вокруг, или ... оборвать нить. Они выбирают обрывать. Самый примитивный, самый безвкусный выход из положения. Разбитое сердце? Унижение? Вместо того чтобы раздавить обидчика, построив свою жизнь в тридцать раз лучше, или хладнокровно стереть его с лица своей жизни, что куда изящнее, они направят агрессию на себя. Самоуничтожение. Инстинкт, достойный насекомого, повалившего в смолу».

Он мысленно представил девушку: её розовые волосы, потухшие глаза, дрожащие руки. Не было ни капли сочувствия. Была лишь оценка материала.

«Грубая работа, но эффективная. Не потребовалось даже намёков. Достаточно было рассказать историю. Дать ей формулу: «твоя боль = её боль; её решение = окончание боли; его жизнь = вечное наказание». Примитивная арифметика для примитивного сознания. Они так жаждут справедливости, эти люди. И так слепы, что не видят: истинная месть, это жить и быть счастливым, сделав предателя ничтожной пылью в прошлом. Но нет, им нужен громкий жест. Театральный финал. И они его получают».

Люцифер ждал, не двигаясь. Его слух, простиравшийся

далеко за пределы человеческого, улавливал тончайшие вибрации реальности. Он ждал определённого... звука. И он его услышал. Тихий, чистый, как звон хрустального колокола, который бьётся один раз и замолкает навсегда. Звук оборвавшейся жизни. Там, на крыше высоты. Что-то маленькое и яркое перестало падать и стало просто предметом.

«Совершенно. По расписанию. Жнец никогда не задерживается, когда его зовут по-настоящему. Он дисциплинирован. В этом его прелесть. И проклятие».

Обитель Жнеца Жизни. Пространство свободное от вторжения.

За гранью миров, в сердце леса, сплетённого из снов и последних вздохов, существовало место, отвергшее саму концепцию конца. Обитель Жнеца Жизни не была построена, она выросла, как кристаллизовавшаяся мысль о покое.

Пробиваясь сквозь густую листву, напоминавшую застывшее изумрудное пламя, виднелись её очертания. Время здесь текло на линейно, а по кругу, как опадающие и вновь расцветающие лепестки гигантского лотоса. Деревья с серебристой корой, испещрённой письменами вечности, стояли немymi стражами. Их листья переливались всеми цветами радуги, но не отражали свет, они излучали его изнутри, мягкое сияние, окрашивающее воздух в акварельные тона.

Сам дом был диковинным порождением этой магии. Его стены из живого, дышащего древесного материала слегка колыхались в такт тихому, пульсу места. Казалось, стоит при-

коснуться к ним, и под пальцами забьётся тёплый ток соков жизни. Крыша была не похожа на кровлю, это был вечно раскрывающийся бутон цветка, чьи лепестки, полупрозрачные и перламутровые, собирали и преломляли свет далёких звёзд, создавая внутри ощущение тепла, идущего отовсюду.

Внутри царила гармония, столь полная, что становилась почти осязаемым звуком, низким, умиротворяющим гудением. Стены украшали витиеватые руны; они проступали из самой древесины, их не вырезали. Руны светились то тёплым янтарным светом, то холодным лунным отражением. Воздух был ароматным. Здесь смешались запахи влажной земли после первого дождя, хвои, цветущего миндаля и чего-то древнего, похожего на запах старых фолиантов и звёздной пыли.

В центре главной комнаты, гостиной или зала, стоял массивный стол, вырезанный из цельного корня. На нём лежали книги и артефакты, которые пульсировали тихой силой, их страницы иногда перелистывались невидимым ветром, а кристаллы излучали едва слышное пение.

Вокруг Обители раскинулся сад, где времена года танцевали бесконечный хоровод. Рядом с розой, полной алого августа, мог цвести хрупкий подснежник декабря, а ветка яблони склонялась под тяжестью плодов, сияющих как полированный рубин. Бабочки с крыльями из витражного стекла порхали в воздухе, а щебет птиц был сложной импровизацией, успокаивающей душу.

И в этот совершенный мир, как тёмное пятно на чистом

холсте, внесли нарушение.

Жнец Жизни появился беззвучно, его форма сегодня была подобна сгустившемуся вечернему сумраку, пронизанному серебряными нитями лунного света. В его руках, больше похожих на тени, он нёс хрупкое тело, Ольгу. Сама Обитель, казалось, встрепенулась: свет рун померк, цветы на мгновение свернули лепестки. Он пересёк сад, и под его ногами трава негнулась, а замирала, будто в почтении и ужасе.

Войдя внутрь, он осторожно, с несвойственной его природе бережностью, положил девушку на просторную постель у дальней стены. Ложе было устроено в мягком огромном дупле живого дерева, а матрас из мха и лепестков издавал лёгкий целебный аромат. Только несколько свечей в причудливых подсвечниках из ветвей освещали её бледное лицо, отбрасывая на стены трепетные тени, в которых руны будто оживали и начинали медленно двигаться.

Жнец отступил, и в дверном проёме, затканном струящимся светом, появилась Морава. Её появление было подобно появлению звезды в ночи. Белые, почти пепельные волосы струились водопадом, отливая серебром в свечах. Карие глаза, обычно тёплые и полные любопытства, теперь были расширены от тревоги. Её юбка, усеянная звёздами и спиралями галактик, казалось, таила в себе глубину космоса, а небесно-голубая блуза мягко колыхалась, хотя ветра в комнате не было. Яркий пояс с рунами светился приглушённо, реагируя на присутствие чужой, угасающей жизни, чуть пы-

лая красными отблесками тревожного значения, которое бывало лишь в присутствии демонической крови.

— Смертная? — её голос, обычно мелодичный, был резок от изумления. Целительница скользнула по комнате, будто не касаясь пола, и опустилась на колени у ложа. — Зачем?.. Что с ней?

Она не ждала ответа. Её тонкие, изящные пальцы уже парили над телом Ольги, не касаясь его. Морава закрыла глаза, и по её лицу пробежала судорога боли, чужой боли, которую она ощущала как свою.

— Я чувствую её... Всю. Разбитость. Предательство. Падение... — прошептала женщина, её слова повисли в воздухе, обрастая материальностью. Она начала тихо напевать древнее заклинание, доставшееся её от матери-дриады. Звучало оно как шёпот листьев, журчание ручья и треск костра. Свет в комнате потеплел, руны на стенах засветились ровным золотым сиянием, направляя потоки энергии к постели.

Жнец стоял в стороне, его те неподобная фигура была неподвижна, но в самой этой неподвижности читалось огромное напряжение. Его уважение к дару супруги было безгранично, но сейчас оно смешивалось с ужасом.

Ольга слабо застонала, её веки дрогнули, но не открылись.

— Это она... — голос Жнеца прозвучал непривычно тихо, нарушая магическую тишину. В его руке материализовался Клинок Скрижали Озарения. Оружие в его обители обрело форму — узкий световой клинок, от которого исхо-

дило свечение холодной, безжалостной истины, похожее на первый луч зари, рассекающий кромешную тьму и не сулящий тепла. — Она и есть «Смертный Грех». Тот, что в поисках уже тысячи лет.

Свечи затрепетали. Морава вздрогнула и открыла глаза. Воздух сгустился, наполнившись тяжестью откровения.

— Ничего себе... — выдохнула она, глядя то на клинок, то на Ольгу. Её внутреннее чутьё, дар целителя, прощупывало не только раны, но и саму суть. — Она смертная, но в ней... теплится что-то иное. Сила, которая держит её здесь, на краю... Кровь...

— Демон, — безжалостно пояснил Жнец. — Кровь Люцифера. Без неё она бы уже была пылью в моих архивах. Именно она даёт ей хрупкий шанс.

Морава замерла, её взгляд стал пронзительным.

— Асмодей... — произнесла она, и в её голосе прозвучало изумление. — Он смог... Он отдал часть своей сущности взамен её жизни? Неужели в нём ещё есть искра архангела?

Она сознательно умолчала о втором падшем, о тени, которая незримо витала над этой трагедией. О Люцифере. Она знала: его мотивы никогда не были чистыми, а его планы простирались на тысячелетия.

— Я вылечу её, — заявила Морава, и её голос приобрёл стальную уверенность. Она положила руку на лоб Ольги, и на этот раз её собственный пояс вспыхнул ярче, черпая силу не только из Обители, но и из звёздных узоров на её юбке.

— Сила демона в ней велика. А тёмная кровь... она её возрождает. Я смогу. Она выкарабкается.

Жнец наблюдал, и в глубине его сумрачной формы, где-то в подобии сердца, теплилась не надежда, таких понятий он не знал, а смутное признание правильности выбора. Нарушение порядка могло рождать хаос, нарушая хрупкую гармонию.

— Это была рука Светлого Главы, — проговорил он внешне, его мысленный взор пронзал слои реальности, прослеживая причинно-следственную цепь событий. — Убийство смертного божественной рукой... это разрыв ткани мироздания. Такой дисбаланс отозвался бы эхом во всех мирах.

Морава, не прерывая работы, встретила с мужем тревожными глазами. — Но как же тогда... равновесие не нарушено? Я не чувствую колебаний.

— Люцифер, — произнёс Жнец, и имя прозвучало как приговор всему сущему. — Он подставил свою сущность. Его демоническая кровь, что влилась в девушку по его воле, заменила собой чистую человеческую жизнь, которую отнял Светлый. Уравнение сошлось. Светлый пал от демонической руки Люцифера, а его жертва продолжает существовать, оплаченная монетой из той же адской казны. Бухгалтерия вечности сведена. Вопросов у мироздания... нет.

Он опустил Клинок, и тот растворился в сиянии. Тишина, на мгновение прерванная, снова заполнила комнату, но теперь глубокой всепроникающей тайной, в центре которой,

под нежными руками целительницы, билось хрупкое, оплаченное великой ценой и чудовищным расчётом сердце.

Город Б. Микрорайон Горьковский.

Дождливая тьма окутала спальный район города, как тяжёлый, промокший насквозь туманный плед, из прорех которого торчали только фонари. Уютные пятиэтажные «хрущёвки», тонули в мрачном море стекла и бетона новостроек, последние взмывали в ночное небо, будто гигантские надгробия, подсвеченные изнутри редкими одинокими окнами. Ночь была плотной, водянистой, пропитанной запахом мокрого асфальта, прелой листвы и тревожной тишины. Только монотонные капли, отбивающие дробь по карнизам и лужам, нарушали этот гнетущий покой, как будто отсчитывали последние секунды.

Влажный ветер, пронизывающий до костей, свистел в разрывах между домами. По чугунным, скользким от воды ступеням пожарной лестницы на крышу одного из колоссов взбиралась фигурка. Девушка двигалась на автомате, будто ноги вели её сами, повинаясь какой-то древней, роковой программе. Край крыши встретил её порывом ледяного воздуха. Она остановилась, её пальцы вцепились в холодный парапет, а в другой руке, как белый маячок отчаяния, светился экран смартфона. Он молчал. Всё молчало.

Она смотрела вниз. Машины казались яркими детскими кубиками, разбросанными по мокрому полу. Мир сжался до размеров этой крыши, до размера экрана. Сердце колотилось

где-то в горле, судорожный, прерывистый стук сливался с гулом в ушах. Ожидание было пыткой, лезвием, медленно входящим в плоть.

И вот, вибрация, тихая, как взмах крыла моли. Трепет, острый и сладкий, ударил в солнечное сплетение, пробежал по коже мурашками. Она почти выронила телефон, торопливо пытаюсь разблокировать. Яркий экран осветил её лицо, бледное, с расширенными зрачками, по которому уже стекала первая предательская слеза.

Сообщение. Короткое. Безликое. С фотографией. Он с другой. Опять.

Слова не просто ранили. Они испаряли всё. Прошное становилось фарсом, нежность, циничной игрой, будущее — чёрной пустотой. Мир не просто погас. Он рассыпался в пепел, уносимый этим ледяным ветром с крыши. Кто-то вырвал из груди весь каркас, на котором держался вся её вселенная. Осталась лишь дыра, наполненная воем ветра и зовом пустоты внизу.

Край манил не как смерть, а как тишина. Как окончание этой невыносимой, режущей изнутри боли. Одна мысль кольнула в мозг, ясная и ослепительная, как осколок боли: «Он пожалеет. Увидит. Поймёт, что потерял. Навсегда».

Шаг. Не вперёд. В ничто.

Внезапно, в самой гуще падения, в разрыве между одним ударом сердца и следующим, наступила тишина. Метафизическая. Дождь замер в воздухе, превратившись в миллио-

ны сияющих, неподвижных бусин. Звук города, ветер, даже внутренний гул крови в ушах, всё стихло.

И в этой вакуумной тишине раздались шаги. Медленные размеренные, по мокрому асфальту переулка, куда ещё не успело упасть тело. Они звучали гулко, как удары сердца самого мира. Люцифер вышел из тени подъезда, будто материализовался из самой тьмы. Его костюм не промок ни на грамм. Он выглядел как чужеродный элемент в этой убогой реальности, безупречный, резкий, законченный.

«Она своё сделала. Исполнила свою маленькую, трагическую роль. Теперь моя очередь».

— По договору мне нельзя идти в твои владения, Жнец. Забери своё, эту серую, безликую энергию угасшей жизни. А яркое, искажённое болью, ещё не остывшее сознание... его ты оставишь. Её тыпустишь. Потому что она мне нужна.

В тумане перед ним начало вырисовываться пятно. Сначала просто сгусток холода и пустоты. Потом очертания. Неясные, дрожащие. Бледное лицо с широко открытыми, ничего не понимающими глазами. Розовые пряди волос, которые теперь казались призрачным сиянием. Душа девушки стояла перед ним, замершая в ужасе перед тем, что будет дальше.

Люцифер не смотрел на неё. Он смотрел сквозь, вглубь тумана, где маячила другая, давно ожидаемая фигура.

«Ольга», — пронеслось в сознании Падшего, и это была единственная мысль, в которой промелькнуло нечто, отдалённо напоминающее тепло. Не любовь. Нет. Скорее... пра-

во собственности.

«Скоро. Очень скоро. Эта цепочка, этот конвейер жертвенных агнцев... он приближает наш час. Каждая такая душа, как кирпичик в мосту, который я строю через реку забвения. Каждая маленькая, глупая трагедия даёт мне право потребовать своё назад. Ты ошиблась, дорогая... моя... Но я не позволю тебе остаться в небытии. Я вытяну тебя оттуда, даже если для этого придётся перевернуть скучную механику этого мира. И ради этого...»

Он перевёл взгляд на призрачную фигуру девушки перед ним. В его глазах не было ни милосердия, ни злорадства. Была только холодная констатация факта, как у хирурга, взявшего в руки нужный инструмент.

«... ради этого сгодятся и такие глупые, обманутые девочки. Их боль, всего лишь валюта. А из души, как разменная монета».

В нескольких шагах от него, над тем, что секунду назад было жизнью, возникла фигура. Тень в капюшоне медленно повернулась к Люциферу.

— Мог бы догадаться. Твоя работа.

Люцифер не ответил. Он подошёл ближе, его взгляд скользнул по неподвижной фигурке на асфальте, по луже, медленно окрашивающейся в тёмный цвет, и остановился на смартфоне. Устройство лежало экраном вверх, в треснувшем стекле, как в паутине, застыла улыбка незнакомой девушки в обнимку с тем, кого она знала. Надгробие из стекла

и пластика.

Он наклонился с ужасающей, хищной грацией и поднял телефон. Палец в тонкой кожаной перчатке провёл по трещине, листая фото за фото. Улыбки. Поцелуи. Чужая рука со свежим маникюром на шее того парня...

— Цифровая исповедь, — произнёс Люцифер с лёгкой, ледяной задумчивостью. Его голос звучал как комментарий к плохой пьесе. — Какое скучное, банальное предательство. Лишённое даже тени поэзии или изобретательности. И ради этой жалкой пародии на драму... разбивать такой дивный сосуд? Жаль. Столько потенциала, потраченного впустую.

Жнец не спорил. Он просто взмахнул рукой. В пространстве над телом что-то блеснуло, тончайшая, серебристая нить, натянутая до предела. И с тихим, чистым звуком, похожим на лопнувшую струну арфы, она порвалась. Фигура Жнеца дрогнула и начала расплываться, растворяться в дождевых каплях, которые снова пришли в движение. Но перед тем как исчезнуть полностью, откуда-то из самых далёких, внепространственных глубин, до слуха Люцифера донёсся тот же безразличный скрежет-голос, теперь окрашенный странной нотой:

— Она в бреду. Её душа мечется... Она не видит путь.

Падший оторвал взгляд от телефона и посмотрел на то, что осталось. На ярко-розовые пряди, прилипшие к мокрому асфальту, похожие на лепестки ядовитого цветка. Уголки его губ приподнялись. Это была гримаса холодного, безгра-

ничного удовлетворения.

— Я терпелив, — прошептал он, и его шёпот перекрыл возвращающийся шум дождя и врезался в самую материю ночи. — У меня в распоряжении вечность. А бред, мой дорогой страж...

Он сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— ... бред, это всего лишь неупорядоченная правда. Самый чистый её вид. И он... может стать прекрасным проводником в самые потаённые уголки души.

Его глаза, тёмные, как бездна, блеснули в отсвете фонаря. В них не было ни сожаления, ни триумфа. Только безраздельный древний голод охотника, который не просто взял след, но уже загнал дичь в приготовленные им сети.

Глава 2. Скитание во Тьме

Мир Тьмы. Мрачное пространство за гранью жизни.

Тьма. Глубокая и непроглядная, она обвивает окружающее пространство, как бездонное море, поглощающее свет и звук. Здесь нет ни шороха листвы, ни мелодии ветра, лишь гнетущее молчание, которое проникает в душу и заполняет её невыносимым ощущением холода. Даже высшие, обладающие могуществом и властью, боятся этого места. У этого зловещего пространства множество названий: «Небытие», «тот свет», «проклятое царство». Но ни одно из них не способно передать всю глубину ужаса, который охватывает тех, кто осмелится оказаться здесь.

Каждый шаг — шаг в бездну, где одиночество становится невыносимым спутником. Блуждая в этом тёмном пространстве, ты начинаешь терять ощущение времени. Секунды превращаются в часы, а часы в вечность. Свои мысли ты ощущаешь как далёкий отголосок, всё более расплывчатый и неясный. Однажды в какой-то момент, разум начинает погружаться в бездну, растворяясь в мрачных тенях. Сначала исчезают мелкие воспоминания: лица близких, звуки любимых песен, аромат свежесваренного кофе. Всё это уходит, как туман под лучами восходящего солнца, оставляя лишь пустоту.

Но самым страшным становится то, что с течением вре-

мени из глубин памяти начинает подниматься то, что было самым дорогим и сокровенным. Воспоминания о счастье, о радости, о любви, они всплывают, как призраки только для того, чтобы быть поглощёнными тьмой с ещё большей жадностью. И в этот момент, когда ты осознаешь, что потерял самое важное, уже не остаётся никакого спасения. Тьма как безжалостный хищник, стирает эти моменты, оставляя после себя лишь непроглядную тоску и холодящий ужас.

Одиночество, этот зловещий демон, медленно, но верно разлагает даже самую сильную веру. Оно, как вечный холод, проникает в каждую мысль, каждую клетку, вытягивая из души последние искорки надежды. Сознание, оказавшееся здесь, с каждым мгновением теряет свою прочность. Ни одна искра не устоит перед тьмой, в конечном итоге даже «кремень» сдаётся, разлагаясь под натиском мрака.

Демон похоти пробудился в безбрежном океане тьмы, где сама сущность времени казалась иллюзией. Его глаза, яркие и многогранные, словно звезды вспыхнули в пустоте. Он открывал их медленно, как будто не желая нарушать покой, который царил вокруг. Тьма, как старая знакомая, не спешила давить на сознание. Вечность обволакивала своим покровом, наслаждаясь каждым мгновением.

Мысли Асмодея метались в голове, дикарями, запертыми в ловушке, непокорными и неуправляемыми. Он пытался собрать себя в кучу, как разбросанные по полу осколки зеркала, отражающие обрывки прошлого. Воспоминания прон-

зали сознание рваными слайдами, каждый из которых был полон страсти, предательства и боли. Он видел образы: ночные пиршества, где тела танцевали в экстазе, шёпоты, полные обещаний, и крики, полные отчаяния. Каждый миг был как искра, разжигающая древний огонь в его душе.

Асмодей, облачённый во тьму, как в роскошный плащ, ощущал, что силы... Какие силы? Их нет. Он сосредоточил внимание на своих чувствах, на том сладком ощущении власти, которое он испытывал, когда искушал и совращал. Его сущность наполнялась жаждой. Жаждой не только плоти, но и душ, которые могли напитать его энергией.

В этом бескрайнем пространстве он был просто демоном. Он был искусителем... он... был... Время, как свиток, разворачивалось перед ним. Верховный князь понимал, что возвращение может быть не скорым, а может... и не быть вовсе. Падший ангел сейчас был частью тьмы, вечно жаждущей новых жертв. Собравшись с мыслями, Асмодей поднял руки, его длинные пальцы, как когти, потянулись к бездне.

Он вызывал образы из хаоса, из пучины тьмы, стремясь их запечатлеть как художник зарисовывает красками холст. Каждое видение было кусочком его утраченной силы, его связи с миром, который он когда-то знал. Он видел яркие огни городов, слышал звуки смеха, и ощущал тепло человеческих душ, полных надежды и страсти. Образы стали просыпаться в его руках. Демон видел, как люди грешат, как они попадают в ловушки, которые он создавал. Каждый грех был

сладкой мелодией, которую он мог бы играть на струнах сердца. Он ощущал, как эти воспоминания наполняют его энергией. Но все это быстро ускользало, продавленное тьмой.

Тьма сгущалась вокруг демона похоти. Она шептала ему на ухо, маня к себе. Асмодей понимал, что время неумолимо течёт. Взгляд его стал более острым, он сосредоточился, пытаясь различить среди Тьмы силу, способную его вернуть. Возможно есть кто-то, кто его помнит, кто ждёт его прикосновений. Демон знал, что нужно действовать, что-то делать постоянно, иначе Тьма поглотит его окончательно. Верховный вновь и вновь возвращался к воспоминаниям о том, сколько сил он потратил, чтобы сохранить ту единственную искру, что осталась после падения в проклятый Ад. Эта искра была частью его, частью потерянного света, согревающая в самые холодные ночи, когда давление Ада становилось невыносимым.

Но с годами, как это бывает, с душами, которые слишком долго находятся в неволе, сияние тускнело. Демон чувствовал, как душа все больше погружалась в похоть и разврат. Каждый грех, каждое падение лишь усиливало мрак, поглощая частичку искры, что когда-то горела ярко. Асмодей старался изо всех сил сохранить её. Эта искра была его надеждой, его последним связующим звеном с его прошлым «Я». И ключом. Без неё он, вероятно, сгинул бы во тьме гораздо раньше, стал бы всего лишь одним из многих, забытых падших. Но он не мог позволить себе забыть это. Он не мог за-

быть... Ольга!

— Оля, девочка моя, — шептал он в пустоту, и в голосе звучала отточенная годами практики нежность, смешанная с нетерпением кондуктора, ожидающего опаздывающий поезд. — Ты мой спасительный маяк в этой бескрайней тьме! Как яркая звезда, ты освещаешь мой путь к цели, вытаскиваешь из бездны и даришь надежду. В каждом твоём наивном взгляде, в каждом твоём слове я видел отражение той искры, той необходимой силы. Ты давала мне терпение ждать, пока все созреет... Я жду тебя... Поторопись, чёртова электричка.

Сквозь все тысячелетия манипуляций он чётко понимал: именно благодаря этой искре, благодаря слепой вере женщины, он мог не сгинуть во Тьме, ведь его ещё помнят. Он всё ещё мог чувствовать вкус предвкушения, надеяться на триумф... и испытывать нечто, отдалённо напоминающее азарт. А произнесённого слова «любовь» он не боялся... Он его презирал. Пусть Тьма и пыталась затянуть его в обыденность порока, он знал: с каждой выжатой из этой души искоркой, с каждой минутой, приближающей Ольгу, он оставался не на грани света и тьмы, а на тропе, ведущей к его истинной, давно задуманной победе.

Обитель Жнеца. Таинственный и чистый мир.

Тьма Ольги отличалась. Она была полна осколков.

Ольга металась в хаосе вспышек, каждая была обжигающе яркой, похожей на крик без звука. Это были воспомина-

ния, но как будто не её. Это были обрывки чего-то древнего, вшитого в душу, как шипы.

Вспышка.

Холод. Но это не Тьма, а что-то иное. Некий чистый, безжалостный холод созидания. Руки или что-то... что лепит из ничего. Боль рождения. И цель. Чёткая, как гравировка на кости: *Ты будешь его искушением. Его проверкой. Его...*

Вспышка.

И тут же тепло. Первое. Противоречащее всему. Оно пришло не сверху, а сбоку. Взгляд. Глаза, в которых горело отражённое пламя, которое было ярким, живым, мятежным. Они встретились с её только что раскрывшимся сознанием. И в этом взгляде не было любопытства создателя. Там было... какое-то узнавание. Был голод души, увидевшей свою же часть, свою половину. И её новорождённая сущность, ещё не зная ни страха, ни имени, откликнулась. Без мысли. Чистым порывом. Тягой. Болью, которая слаще всякого покоя...

Вспышка.

Боль другого рода. Разрыв. Беззвучный крик. Падение в бездну, усыпанную осколками звёзд. Его образ, который удаляется, затягивается воронкой огня. И чувство потери, настолько всепоглощающее, что оно стало самой её основой...

Вспышка.

Теснота. Тяжесть. Кость, плоть, кровь. Удушающая клетка из мяса. Смертное тело. Первое? Нет. Одно из многих. Ощущение тюрьмы. Проклятие: родиться, забывать, ис-

кать, умирать. Снова и снова. Вечный цикл тоски по тому огню в чужих глазах...

Сквозь этот калейдоскоп боли, как ровная, неумолимая нить, протянутый Голос. Не искажённый. Абсолютно ясный здесь, в её внутреннем хаосе. Низкий, спокойный, властный. Голос её Незримого Ведущего.

— Иди, говорил он, и вспышка сменяла вспышку. — Не бойся Тьмы. Ты — сама Тьма, что ищет огонь. Помни ощущение.

И она шла на зов.

— Чувствуй, — звучал голос, когда мелькал образ падающих звёзд. — Помни боль потери. Это твой компас.

Она снова шла, не понимая кто её зовёт.

— Смерть, это дверь, — снова шептал голос, когда давила тяжесть очередного смертного тела. — Ты проходишь через неё, чтобы стереть ложь и приблизиться к истине...

И она шла. Сквозь видения перерождений: то крестьянкой в поле, то принцессой в башне, то безымянной тенью на войне. Всегда с чувством неправильности, будто надела чужую кожу. Всегда шла с глухой тоской, не имеющей тени. И всегда — Голос, ведущий её сквозь сны каждой жизни, подталкивающий к краю, к риску, к яркой вспышке чувств, будто торопя встречу с чем-то или... кем-то...

Вспышка.

Тепло. Знакомое тепло. Жар. Плотский, захлёстывающий. Бал. Маски. Улыбки-лезвия. И... ОН. Демон в костю-

ме, с глазами, полными терпкой печали и искусной лжи. Ас-модей. Его прикосновение. Его слова, сладкие как нектар. Его поцелуй...

Вспышка.

Медленное сгорание. Но... что-то не так. Это было не то. Но это было так похоже на отблеск того, первого пламени, что её душа, изголодавшаяся за тысячелетия, рванулась к нему, как мотылёк. Последнее, самое яркое воспоминание перед тем, как мир рухнул в кровь, боль и звон цепей...

В бреду образ Асмодея накладывался на образ тех первых глаз, смешивался, подменял. Это был ложный свет, но такой желанный в её вечной тьме.

И снова Голос, уже почти раздражённый, властный:

— Нет. Не он. Он только Эхо. Тень желания. Иди глубже. Сквозь. Чувствуешь пустоту, которую он не может заполнить?..

Бред достиг пика. Она металась между пламенем первого взгляда, незнакомым, но родным; холодным Голосом проводника, знакомым до жути, но безликим; Жгучим прикосновением демона Похоти, близким, но почему-то чужим.

Они спорили в ней, рвали на части. Кто её создал? Кого она ищет? Кто ведёт? И самое главное, почему эта погоня за призрачным огнём чувствуется как возвращение домой, обретение целостности, которой она была лишена с самого первого мига существования?

В финальной, сминающей всё вспышке, три образа сли-

лись в один мучительный символ: Огненный глаз в глубине вечной ночи. Он смотрел на неё. Ждал. И в его бездонной пучине была вся её боль, вся тоска, вся её невысказанная, неосознанная любовь, превращённая проклятием в вечный, неугасимый голод.

Бред отступил, оставив её со жгучим, странным чувством-знанием: её путь не случаен. Её боль это не наказание, а долгая, мучительная дорога домой. К тому, чей образ стёрся из памяти, но чьё отсутствие жжёт её душу сквозь все рождения и смерти.

Чертоги Вечной Тьмы. Асмодей. Догадка.

Образ Ольги, промелькнувший в пучине, стал якорем. Всё остальное: пиршества, интриги, мимолётные страсти... всё померкло, отступило, как дешёвые декорации. Его сознание, будто натянутая струна, завибрировало, настраиваясь на одну частоту. Она.

Демон начал перебирать воспоминания, не как наблюдатель, а как следователь, выворачивающий карманы прошлого наизнанку. Последние мгновения перед падением... туманы, пропитаны болью и гневом. Нет. Надо дальше.

Бал. Тот самый. Когда всё началось или, как он теперь понимал, когда всё подошло к концу.

Воспоминание нахлынуло ярко, сочно, со всеми деталями: дымчатый воздух, пропитанный амбре греха и свечей, музыка оркестра игравшего на струнах души... И они, в центре. Он и Ольга в безумном диком танце. Её электрические

молнии против его тьмы. Он помнил каждый изгиб её тела, каждый вздох, каждый вызов в её глазах.

Но теперь он прокручивал плёнку задом наперёд. Не для наслаждения. Для анализа.

Сцена отматывалась: от объятий к первому касанию, от взгляда через зал, к моменту их появления. Вот они идут сквозь толпу придворных демонов и грешных душ к трону Люцифера. Ритуал. Глупый, напыщенный ритуал представления новой «жемчужины» коллекции... И... стоп!

Асмодей заставил воспоминание замереть на одном кадре. За секунду до того, как Ольга опустилась в почтительном реверансе. Её взгляд скользнул на Люцифера, восседающего на троне из окаменевших желаний. И на его лице, всего на долю мгновения, прежде чем оно снова стало чёткой маской, мелькнуло что-то.

«Это не страх, не благоговение. Что-то... Оценка. Холодная, расчётливая, почти... голодная. Нет... Это что-то иное... Взгляд охотника, мельком оценивающего трофей? Нет. Ещё раз».

Демон Похоти снова и снова перематывал этот момент в сознании.

«Что это было?»

Эта мимика на лице Повелителя Ада... Она мгновенная. Меньше, чем мгновение. Потом он взял себя в руки. Маска Повелителя снова легла идеально. Но та секунда... она теперь горела в памяти Асмодея ярче всего остального.

«Она необычна для смертной».

Мысли двинули аналитический механизм.

«Этакий... миниатюрный демон Похоти, перерождённый в смертном теле. Нет, не демон. Что-то иное. Что-то, что заставило его смотреть на неё особенно. Как на цель?»

Варианты догадок, острые и беспощадные, начали складываться в голове, как осколки разбитого зеркала, собирающиеся в новое, уродливое отражение:

«Скрытая сущность? Неудавшийся эксперимент кого-то из старейших? Украденная сила, запечатанная в человеческий сосуд? Агент... Нет, слишком сложно. Но этот взгляд... Что же в нём...»

И тогда, как удар молнии в крошечной тьме его заточения, озарила новая мысль, такая простая и такая чудовищная, что он внутренне ахнул от собственной слепоты.

«Вот я идиот. Слепой увлечённый идиот. Почему я сразу об это не подумал? Не «как» она. А «что» она. Перерождение чего? Или... кого?»

Мысли понеслись вихрем, считая всё на своём пути.

«Так. Так. Так. Что могло заинтересовать самого Люцифера? Не просто красивая душа для растления. Что-то большее. Он что-то знал. Он что-то ВИДЕЛ в ней с самого начала. То, что я, ослеплённый её пламенем, проглядел».

Память, уже неподконтрольная, рванулась вперёд, к концу. К мучительным кадрам, где его, поверженного, уже сковали в цепи. Он снова увидел Люцифера, который смотрел

не на него, а на... Ольгу, которая стояла рядом, бледная, с лицом... нет не полным страхом.

«Она его не боится... Почему?»

И взгляд Люцифера... Асмодей задохнулся от нового понимания.

«Это не взгляд хозяина к вещи. Это голод. Дикий, первобытный, нечеловеческий голод. Желание поглотить. Обратиться в себя. Присвоить сущность. Будто он смотрел не на ключ, а на... женщину? На источник. На запретный плод, который вот-вот упадёт в его протянутую ладонь».

Вдруг из горла вырвался чёткий яростный крик:

— Святые Серафимы! Что ты там увидел?!

«Я не там ищу».

Ум Асмодея работал с лихорадочной скоростью, но Тьма выдёргивала крупинцы воспоминаний, и сложить весь пазл никак не получалось.

«Простая смертная? Нет. Ничего простого. Ничего обычного. Перерождение... Сила...»

С огромным трудом он фиксировал куски мозаики, которые складывались в пугающую картину.

«Она могла метать молнии, от которых скорчился даже Левиафан. «Чёртова электричка». Она поднимала уровень существ. Она завела стаю Стужей и Гиену Огненную, которая склонилась перед ней головой».

Он пытался вспомнить, что ещё в ней необычного.

«Ольга... Люцифер... Перерождение. Чёртова грешница!»

Какая тут связь? Грешница... Люцифер... Перерождение...»

И тут его осенило. Мысль была настолько чудовищной, что сознание пыталось отбросить её, как раскалённый уголь.

«Нет. Не может быть».

Но чем больше он сопротивлялся, тем очевиднее она становилась.

«Если Ольга перерождение... если её сила настолько уникальна, что привлекла внимание самого Падшего правителя Ада... если Люцифер смотрел на неё с таким голодом... Смертный грех... Чёртовы бездны...»

Фраза прорезала память, холодная и отточенная. Слова Люцифера, брошенные на балу... Он думал это игра. Но что, если это констатация факта?

«Стоп. Нет. Не может быть. «Смертный грех» — какой-то древний артефакт. Легенда. Первородный сплав заряженного желания и божественного наказания. Почему мы раньше не нашли её?»

Ответ пришёл сам, горький и ядовитый.

«Потому что она не «что». Она — «кто». Она не лежала в сундуке. Она ходила, дышала, смеялась, любила...»

Осознание обрушилось на него всей тяжестью вечности, всей горечью беспомощности.

«Страдай и сдохни! Я держал в объятиях Смертный Грех, живой дышащий, плачущий, и даже не догадывался об этом!»

Ярость, бессильная и всепоглощающая, вспыхнула в де-

моне, затопив всё остальное. Не ярость на Люцифера. Даже не на неё. На себя. На свою слепоту. На свою глупость. Он, Повелитель Искушения, мастер видеть потаённые желания, проглядел величайшую тайну, которая сама пришла к нему в руки. И теперь... теперь она была у него. У Люцифера. И тот голод в глазах... он всё объяснял.

Асмодей замер в бездне, сжавшись в ледяной комок концентрированной ненависти и ярости. Теперь у него была не просто цель. У него была истина. Уродливая, опасная, невероятная. И это знание стало его новым оружием. Его новой жаждой. Он должен выбраться отсюда. Он должен добраться до неё. Не для того, чтобы спасти. Для того, чтобы забрать. Забрать то, что по праву должно было стать его. Он её нашёл. Живой артефакт. Ключ к силе, которая заставила голодать самого Владыку Ада.

Тьма вокруг него сгустилась, ощутив не просто голод пленника, а рождение новой, страшной решимости.

Ольга в бесконечной Тьме.

В хаосе вспышек возникла новая, отличная от всех. Она не была похожа на обжигающее рождение или на падение в бездну. Эта вспышка отличалась, она была тихо и тревожной.

Вспышка.

Пустошь. Выжженное, пепельное пространство, где время течёт в своём русле. И он. Асмодей. Его облик был стёрт, осталась лишь суть, притягательная, знакомая форма тоски.

Он протягивал руку, и в его глазах была та самая искусная смесь боли и обещания, на которую её душа когда-то клюнула.

Она потянулась. Изголодавшаяся, уставшая от вечных поисков душа рванулась к этому островку псевдо-узнавания. Их губы встретились.

И на миг, на один ослепительный миг, её пронзило. Не жаром, а теплом, глубоким, утробным, будто изнанка того первого, пламенного взгляда. Это было похоже на воспоминание о доме, которого не было. Душу, вечно дрожавшую от внутреннего холода, будто укутали в старый забытый плед. Она почти обмякла, готовая раствориться в этом обмане. «Вот он... Нашла...»

Но миг лопнул.

Сквозь это обманчивое тепло, будто стальная игла сквозь ткань, просочился холод. Не внешний, а внутренний, идущий из самой глубины того, кого она целовала. Это холод небытия, пустоты, замаскированный под чувство. Холод расчёта, наблюдающего за реакцией подопытного. Его прикосновение было идеальной копией желанного, но в нём не было сути, той безумной, мятежной искры, что она видела в одном из воспоминаний.

И мысль, чёткая и леденящая, прорезала бред:

«Но... почему он такой... чужой?»

Это было не интеллектуальное заключение. Она это чувствовала каждой клеточкой тела. Как крик её исконной, за-

топанной сущности.

Чужой, потому что его «любовь» была ровной, как поверхность озера. В ней не было бури того первого взгляда, не было всепоглощающего голода души.

Чужой, потому что в его тепле не было жизни. Оно было симитированным, как свет лампы, а не рождённым изнутри, как пламя.

Чужой, потому что, целуя его, она не находила себя. В том древнем, пламенном взгляде было отражение её собственной, забытой мощи. А в Асмодее же она видела только свою нужду, свою тоску, свои слепые поиски. Он был зеркалом, показывающим только её рану, а не целителя или потерянную половину.

«Как же... почему я так к нему прикипела... Похоть... всё дело в ней, он демон Похоти... и я все забыла... Забыла куда шла, забыла зачем и что ищу...»

В этот момент появился Голос в сознании, который прозвучал как горькое подтверждение:

— Видишь? Он — сосуд. Красивый, искусный. Но пустой для тебя. В нём нет того огня, что ты ищешь.

Вдруг пришло понимание, что тоска по тому, первому взгляду, была тоской по целостности. Тоска по Асмодее, была тоской по наркотику, по забвению, по возможности перестать искать и сдаться красивому обману.

Вспышка угасла, оставив после поцелуя привкус пепла и ледяное, неопровержимое знание, о том, что он не цель, а

ловушка на пути. Истинный огонь, чьё отсутствие жжёт душу, горит где-то за ним, гораздо дальше и глубже, и его свет единственный, который может растопить этот внутренний холод, не обманув.

Глава 3. Тёмный ангел Меррит

Асмодей лежал в тёмном пространстве, купаясь в неге воспоминаний. Девушка с курносым носиком не выходила из мыслей ни на секунду. Демон видел, как впервые

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.